

Танкер «Дербент» / повесть

Category: Kitarcy, Powestler

написано kitarcy | 23 января, 2025

Танкер "Дербент" / повесть ТАНКЕР «ДЕРБЕНТ»

Юрий Крымов погиб в сентябре 1941 года в бою у села Богодуховка на Полтавщине. Ему было тридцать три года. Жизнь писателя оборвалась в самом начале его творческого пути. В памяти советских читателей Юрий Крымов остался как автор прекрасных повестей «Танкер «Дербент»» и «Инженеры».

В 1939 году за повесть «Танкер «Дербент»» писатель был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

■ КЛЮЧ

Вечером на радиостанции Каспийского пароходства дежурили двое: радист Тарумов и ответственная по обмену Белецкая. Ему было двадцать лет, но его считали лучшим слухачом по бассейну. Говорили, что он может давать ключом больше ста знаков в минуту. Когда его спрашивали об этом, он улыбался – человек не машина! Он изучил аппараты и обходился без помощи радиотехников. Заметит неполадку, посвистит, покусает ногти и лезет на щит исправлять. Белецкая смеялась: «Если тебя убьет ток, Арсен, я здесь умру со страху. Пожалей хоть меня!»

Они были однолетки и давно работали вместе. Белецкая принимала и сортировала телеграммы. Это была утомительная, однообразная работа, не требовавшая никаких познаний. Он любил наблюдать ее, когда оставались они вдвоем в аппаратном зале. Она работала споро, незаметно, слегка шевелила губами, читая телеграмму. Короткие волосы спускались ей на глаза, – она отбрасывала их быстрым движением головы. В такие минуты она казалась ему очень привлекательной. К концу смены она была так же свежа, как в начале работы, только руки немного дрожали.

На радиостанции ее звали Муся. Выглядела она совсем юной, любила посмеяться и была дерзка на язык. Иногда Тарумов провожал ее после работы, и она спокойно брала его под руку.

Он знал, что она замужем, но ничего не слышал о ее муже. Как будто его не существовало вовсе.

Однажды, когда они шли по набережной, он увидел на скамье обнявшуюся пару и отвернулся.

– Чего только целуются люди? – озорно шепнула Муся, заглядывая ему в лицо. – Удовольствие какое, подумаешь!

Он ответил грубо, скрывая смущение: – Тогда целуйся пореже со своим мужем. Будь умнее других.

Муся помолчала.

– Я давно не видела его, – сказала она не то со вздохом, не то зевнув, – не знаю уж сколько...

– Что так? – спросил он, не понимая, шутит ли она или говорит правду.

– Он уехал далеко-о, – сказала Муся протяжно, – механик он на танкере «Дербент».

Вскоре отношения Муси и Тарумова стали изменяться. Он ловил себя на том, что продолжает думать о ней в ее отсутствие. Ему нравилось прикасаться к ее вещам или одежде, и ему было приятно, когда их имена упоминались вместе, а это часто случалось на радиостанции.

Иногда начинал он беспричинно злиться на себя: влюбился, как школьник, в товарища по работе, чужую жену. И ничего, кроме мечтаний, из этого не может выйти.

А иногда, наблюдая, как растет на ее столе кипа бумаг, он вдруг пугался: надоеет ей работа, уйдет – и все кончится. Он не мог себе представить, чтобы другая сидела на ее месте. Но Муся не уходила. Она по-прежнему была весела, неумоима и, расставаясь с ним после работы на перекрестке, кричала ему вслед:

– Спасибо, рыцарь! Не попади под трамвай!

В тот вечер работы было много. В двадцать три часа Тарумов передал метеорологическую сводку: «В районе Астраханского рейда средняя облачность без осадков. Ветер норд-ост до трех баллов. В районе Махачкала – Красноводск возможны незначительные осадки. Ветер норд-ост не свыше пяти баллов. На ближайшие сутки ожидается дальнейшее падение ветра и легкая облачность». В журнале он нашел утреннее радио от судов,

нарушивших график из-за неблагоприятной погоды. В середине дня донесений не было.

Штормовая полоса ушла на юг, но хвост ее еще был где-то между Красноводском и Баку; к вечеру в порту сняли штормовые знаки, и в сухогрузной гавани победно протрубил первый пароход, покидая причал.

Отправив сводку, радист перешел на прием. Судя по утренним телеграммам, прибытия нефтеналивных судов в ближайшие два часа не ожидалось. Позывная волна бездействовала. Едва слышно просачивалось сквозь наушники слабое пение, настолько слабое, что казалось – ? крошечное хрупкое насекомое царапает лапками в мембрану.

Тарумов завертел верньер – и звук окреп, усилился, явственно обозначилась мелодия, и удивительно чистый женский голос оборвался, покрытый шуршанием долгих аплодисментов. Радист включил громкоговоритель и сбросил наушники. Репродуктор шипел, сотрясаемый трескучим гамом, из которого вырывались отдельные голоса, визгливые, как вопли о помощи. Белецкая покинула свое место у телефона и приблизилась.

– Ты с ума сошел, – сказала она испуганно, – а если кто вызовет?

Она оперлась о спинку его стула и дышала ему в затылок. Аплодисменты смолкли. Снова женский голос запел ту же простую колыбельную песенку.

– Колыбельная, – шепнула Муся. – Хорошо поет, правда? Ну-ка подвинься, Арсен!

Она присела на краешек стула и, чтобы удержаться, обняла его рукой за плечи. Ее лицо было так близко, что он видел влажный блеск ее зубов из-за полуоткрытых губ. Медленно он наклонил к ней голову, и ее волосы защекотали его щеку. Она не заметила этого, пристально глядя в черную тарелку репродуктора. Он не слушал музыку, он думал, что еще никогда они так не сидели, обнявшись, что близость их незаметно растет и будет еще расти, пока... пока они не станут мужем и женою. «Это бывает, – думал он радостно, – да, именно так и бывает». Он опомнился, когда снова загремели аплодисменты.

– Хватит, – сказала Муся, – тебя там проклинаят где-нибудь в

море. Выговор заработаешь!

Поворачивая рукоятку, он покосился на Мусю. Закинув руки к затылку, она потянулась всем телом, глаза ее были ласковы и дружелюбны. Вот она как будто знает уже, что нравится ему, и не отстраняется. Напротив! Ему уже казалось возможным заговорить с ней о своем чувстве.

Медленно натянул он наушники, настроился на морскую позывную волну. Молчание. Муся уже сидела за столом, и руки ее быстро разбирали ворох бумаг, сортировали, подкалывали. В аппаратном зале было тихо, только газовая печь гудела за перегородкой. Он посмотрел на часы, – было один час пятьдесят минут ночи. Неожиданно подумал: если до двух часов заговорит морская позывная волна, надо объясниться с Мусей сегодня же. Стало вдруг тревожно и весело. Вспомнилось, как в детстве с товарищами решали крупные споры, бросая вверх палку. Делали это серьезно, в полном молчании. Палка вертелась в воздухе и падала стойком или плашмя. Тык или ляп?

...Пятьдесят четыре минуты. До двух часов осталось шесть минут, – вероятность небольшая. Лучше думать о другом. О чем бы это? Мусин муж плавает на танкере «Дербент». Этот «Дербент» недавно наделал много шума, – ему принадлежала идея стахановского рейса, и он первый ее осуществил. Но он соревнуется с другим танкером – «Агамали», тоже крепкий коллектив, и еще совсем неизвестно, кто возьмет первенство. Утром с «Дербента» была радиограмма: ведет на буксире какое-то судно с испорченной машиной... Муся видела радиограмму – и хоть бы слово! А вчера был шторм. Никогда не упоминает о муже. И один раз (это было в день стахановской победы «Дербента») не пошла его встречать на пристань. Танкеры стоят в порту не более трех часов. Так и отвыкли друг от друга. Это – бывает... Интересно, какой он? Судовой механик, его фамилия, кажется, Власов... нет, Басов... Вероятно, немолодой и молчаливый, как все судовые механики. А. Муся любит смеяться.

...Пятьдесят шесть минут. Несомненно включилась какая-то судовая радиостанция: слабый щелчок и гул в наушниках. Скорее бы начали вызывать! Он обмакнул перо и придвинул журнал. Надо сегодня заговорить с Мусей. Но на вахте неудобно, надо пойти

проводить, и тогда...

...Пятьдесят семь минут. Громко и настойчиво зазвенел в тишине телеграф. Озадачили непривычные однообразные сигналы, словно задурила рука на ключе. Три точки, три тире, три точки... СОС... Он дернул книзу шнуры телефона, и стальное полукружие сдавило темя. Бешено забили в виски звонкие хрустальные молоточки: «СОС, СОС, СОС... Я «Узбекистан», нахожусь на 42,36 и 18,02 к югу от острова Чечен. На судне возник пожар. Ликвидировать не можем... СОС... СОС...»

Радист начал записывать. С ним было так, как бывает во сне: среди ленивых образов-мыслей вдруг крикнет кто-то над ухом одно слово, и все вокруг становится жутко-зловещим. Молоточки стучали:

«СОС... СОС... 42,36 и 18,02 к югу от острова Чечен. Самостоятельного хода не имею. Буксировавший танкер «Дербент» обрубил буксир. Уходит прежним курсом. На сигналы не отвечает. Мы в безвыходном положении... СОС...»

– Муся, аварийную... – крикнул Тарумов. – Скорее, Муська!

Глухо сквозь наушники он услышал ее голос:

– Что случилось, Арсен?

– Не говори со мной. Вот телеграмма.

Ее рука протянулась из-за его плеча и схватила журнал.

Он слышал, как стучала она рычагом аппарата.

– Пароходство, – сказала она спокойно, – аварийную мне. Живо!

Опять затрещал телеграф:

«СОС, СОС, СОС... Я «Узбекистан», имею на борту груз мазута. Взорвались десятые танки. От взрыва теряю остойчивость. Шлюпки спустить трудно из-за огня на юте. 42,36 и 18,02. Танкер «Дербент» уходит, не отвечая на сигналы... СОС, СОС...»

Пауза. Муся передает телеграмму. Она отвернулась и загородилась рукой. Говорит тихо, чтобы не мешать приему. Молодец Муся. Но вот она бросает трубку на рычаг и подходит к нему.

– Сволочи! – говорит она гневно. – Бросили товарищей... Послушай, Арсен!

– Ну?

– Ты слышишь что-нибудь?

- Нет.
- Арсен, почему они уходят?
- Не знаю. Они ведь тоже с грузом мазута. Боятся сгореть.
- Подлецы! Шкуру спасают, да?
- Ага...
- Арсен, ты слушаешь?
- Да. Не говори со мной.

Радист сдавил ладонями наушники и почувствовал боль в ушах. Разноголосой сумятицей сигналов загудел потревоженный эфир. «...»Узбекистан», я «Большевик», тридцать миль, иду к вам... Баку, Махачкала, Красноводск, вызывайте сухогрузные суда 42,36 и 18,02 к югу от острова Чечен...»

Тарумов перевел рукоятку на передачу. За перегородкой взвыла динамо, набирая обороты. Окна передатчика осветились желтым светом ламп. Из-под контакта ключа сверкнули голубые искры, свистел контрольный репродуктор.

«Всем сухогрузным судам... 42,36 и 18,02...»

Потом он опять включил приемник. Пискнули судовые радио раз-другой и затихли. Наступила сосредоточенная деловая тишина, в которой ему слышался грохот якорных цепей, свист пара, шипение вспененной винтами воды. И вдруг отчетливо засвистело хриплое тональное радио:

«...»Узбекистан», «Узбекистан», я «Дербент», иду к вам. Подойду с правого борта, спускаю шлюпки. Соберите людей, сохраняйте спокойствие. Кончаю... Вызываю Баку, Махачкала...»

– Муся, звони в аварийную! – заорал Тарумов, теряя связную последовательность знаков. – Ты слышишь, Муся?

«Баку, Махачкала, я «Дербент», иду на помощь экипажу «Узбекистана». Имею на борту полный груз мазута. Несмотря на принятые меры, рискую пожаром. Вышлите спасательное судно на 42,36 и 18,02...»

Муся подбежала к столу.

– Аварийная ждет у аппарата, – сказала она, – ты уже кончил?

Она схватила листок и подбежала к телефону. Тарумов видел, как приложила она трубку к уху и взглянула на бумагу. Вдруг она прислонилась к стене, закусил губу и зажмурилась. Продолжалось это недолго, несколько секунд всего. Потом она

открыла глаза и сказала в трубку совсем обыкновенным голосом:
– Готово? Передаю радиограмму: Баку, Махачкала, с танкера «Дербент»...

Тарумов отдыхал, навалившись грудью на стол. Опять затрещали судовые станции. За их шумом он боялся пропустить хриплое посвистывание тонального радио. От напряжения звенело в ушах, и мысли путались в обрывках телеграфных фраз.

«Плохо, что ни одного парохода не оказалось поблизости. Почему вызывают сухогрузных? Нефтеналивные легче воспламеняются. «Дербент» нефтеналивной... Обрубил буксир и ушел, потом вернулся! Как странно! Теперь ему будет труднее спасти людей. Радист вышел из рубки последним... Кто на «Узбекистане» радистом?.. Валька Ластик, мальчонка, юнкор. Может, задохнулся? Или все задохнулись? Нет, «Дербент» спустит шлюпки и подберет всех. Но почему он ушел? И не отвечал на сигналы? И почему вернулся? Там опасный груз – красноводская нефть. В ней много летучих, и она воспламеняется, как бензин. Что говорили об этом танкере? Да, стахановские рейсы! Он идет впереди по выполнению плана перевозок. На «Дербенте» Мусин муж, Басов, механик. Она испугалась, когда прочла радиограмму... Ветер пять баллов, гонит искры, на море крупная зыбь... Главное – не пропустить позывные! Они передавали, что судно теряет остойчивость – ложится набок. Значит, в то время, когда горят надстройки и судно готово перевернуться, в радиорубке еще сидит за ключом Валька Ластик. На нем дымится одежда, и огромным черным ртом глотает он дым, едкий, удушливый дым горящего мазута и краски... Мальчонка, юнкор...»

Судовые радио смолкают. Опять просачивается в наушники едва слышная музыка. Тифлис, Эривань?..

– ...Прощай, мой табор, пою в последний раз... – словно из-за глухой стены выкрикивает певица с залихватским цыганским надрывом.

Плохой приемник, скверная избирательность! Тарумов поворотом регулятора старается отсеять ненужный звук. Он сердится, цыганская певица поет и не знает ни кода Морзе, ни расстояния до каменных бурунов острова Чечен. Но вот отшумели аплодисменты, и все стихло. Пусто стало на морской позывной

волне.

Тарумов обернулся и увидел Мусю. Она стояла за его стулом, прижав руки к груди. Лицо ее бледно. Ему показалось, что она может упасть.

– Ничего нет, Арсен?

– Ничего.

– Знаешь, я не могу работать. Я постою тут... можно?

– Можно, – он подвинулся на стуле, давая ей место, – садись сюда. Не волнуйся.

Он чувствовал свое превосходство над ней, потому что был спокойнее. И в то же время ему отчего-то было досадно.

Муся присела на край стула и зябко вздрогнула.

– Меня трясет, – пожаловалась она, – здесь холодно.

– Это от волнения, Муся.

– Нет, здесь правда холодно. Слушай, Арсен!

– Ну?

– В прошлом году сгорел нефтевоз «Партизан». Ты помнишь? Они тогда красноводскую нефть везли. Эта нефть – взрывучая, правда?

– Ерунда!

– Нет, ты скажи?..

– Говорю, ерунда!

– Эх, врешь ты все... Я очень боюсь, Арсен, – произнесла она жалобно, – если что случится...

Он обнял ее и притянул к себе, удивляясь, что не чувствует уже никакой робости. Рядом он видел бледное Мусино лицо, склонившееся к нему на плечо с тоскливым безразличием. И, желая ободрить ее, он сказал:

– Твой муж не участвует в спасательных работах. Он в машинном отделении, там опасность меньше.

Муся вздохнула:

– Ты это про Басова? Так он мне не муж больше.

– Как так?

– А просто. Мы с ним расстались. Расстались совсем...

Она помолчала.

– Знаешь, мне кажется, он и не любил меня никогда. А может, и любил по-своему, не пойму я. Он такой... странный. Только он

уехал, и все кончилось. Нет, ты не думай, что я за него боюсь! Их там сорок пять человек на «Дербенте», и если что случится... Он гладил ее плечо и думал, что, должно быть, тот человек чем-то оскорбил ее, она несчастна и не может забыть... Он чувствовал гордость оттого, что она доверилась ему и искала у него сочувствия, как бы объединяясь с ним против того неприятного человека – ее бывшего мужа. Потом его взгляд упал на страницы журнала и пробежал по словам телеграммы: «уходит, не отвечает на сигналы». Он представил себе яркое зарево пожара и уходящий в темноту предательский силуэт корабля. Ему казалось, что здесь как-то замешан механик Басов.

Теперь он представлялся ему огромным, краснолицым и свирепым: стоит на корме и, ухая, как леший, рубит буксирный трос. А на палубе собралась команда, все растеряны, но никто не решается к нему подойти. Он вспомнил, что на судне есть капитан, которому подчиняется и механик Басов и другие моряки, и ему стало досадно, что сцена, нарисованная его воображением, не вязалась с действительностью.

Муся вдруг выпрямилась и порывисто встала.

– Ух, тоска какая, – сказала она низким злым голосом, – неужели не кончилось? Смотри не прозевай, Арсен!

Она побрела к своему месту у стола, села и потрогала бумаги. Он понял, что она забыла о нем и совсем не думает, какое впечатление произвели на него ее слова. Отвернувшись, он увидел свое отражение на лакированной поверхности стола – вихрастую голову с черными колпачками на ушах – и подумал, что с Мусей у него ничего не выйдет.

А ровный унылый гул в ушах не прекращался, как будто проникал сквозь наушники стремительный морской ветер. По временам его заставлял вздрагивать треск атмосферных разрядов, и он хватался за карандаш, но сигналов не было.

Посинели квадраты окон, и звезды в них стали крупнее и бледнее, – начинало светать. За пустырем блеснула зеленая молния и осветила крышу пекарни, – пробежал из нефтегавани первый трамвай.

Внезапно щелкнули мембраны телефонов. Тарумов придавил ладонями наушники и схватил перо. Муся тотчас же вскочила и

подбежала к нему. Он успел подумать коротко и удивленно: «Как она узнала?» Громко засвистело тональное радио:

«РЕИ, РЕИ, я «Дербент». Верните спасательное судно. Теплоход «Узбекистан» затонул на 42,36 и 18,02. Экипаж снят и доставлен на борт. Обеспечьте к приходу медпомощь. Есть обгоревшие».

Секундная пауза – и торопливая короткая строчка: «За помполита «Дербента» Басов».

– Здорово, – завопил Тарумов, сбрасывая наушники, – они подобрали экипаж! Понимаешь, Муська?

Она схватила журнал и быстро прочла, шевеля губами.

– Басов подписал, – сказала она тихо, – видишь, он какой! Я говорю... он очень странный.

Тарумов ответил не задумываясь:

– Твой Басов, наверное, золото, молодец парень. Ты подумай, ведь у них красноводская нефть в танках. Она воспламеняется, как бензин.

– А ты говорил – ерунда! – улыбнулась Муся болезненно.

– Ну, мало ли что говорил. Ты же скулила. Теперь вы с ним увидите, и все будет хорошо. Просто у вас размолвка вышла. Это бывает. Нет, но какие молодцы!

Зыбь на море, ветер искры несет, а они подошли и взяли. Аи моряки! Танкер «Узбекистан» затонул, вот жалко, но... люди важнее.

– Там есть обгоревшие, – сказала Муся тихо, – может быть, они... как ты думаешь?

– Ничего, вероятно, обожглись немного. Послушай, да кто он такой, этот Басов?

– Ты же знаешь. Механик.

– Странно. Почему не капитан подписал радио? Ну, все равно. Это же замечательно! «Верните спасательное судно». Вот они, наши моряки! Ты гордишься, Муська?

– Да. Только там есть обгоревшие. Я боюсь.

– Эх ты, заладила – боюсь. Эх, Муська, это такие ребята, такие...

Он счастливо улыбнулся и возбужденно ерошил волосы.

Глядя на него, начала улыбаться и Муся. Потом он вдруг посмотрел на журнал и задумался.

«Только почему же они ушли сначала, – спросил он себя в десятый раз, – сначала ушли, потом вернулись?» Powestler